

DOI: 10.31857/S013038640006344-6

© 2019 г. Ал. А. ГРОМЫКО

ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

(к 110-летию А. А. ГРОМЫКО)

Громько Алексей Анатольевич — член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, Председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громько (Москва, Россия).

E-mail: alexey@gromyko.ru

Аннотация. Статья подготовлена к 110-летию Андрея Андреевича Громько, министра иностранных дел СССР в 1957–1985 гг. Описаны кризисная ситуация в сфере стратегической стабильности и контроля над вооружениями, нарастание конфликтности в современных международных отношениях. Рассмотрен опыт разрядки в период «холодной войны», фактическое ее временное прекращение и причины рецидива. Показаны принципы и методы советской дипломатии в 1960–1970-х годов; определены такие ее ключевые черты, как баланс идеологии, принципов и прагматизма, равная безопасность, стратегический паритет, взаимность, реализм, отношение к дипломатии как к науке и искусству. Дан исторический контекст хельсинкского процесса и подписания Заключительного акта в 1975 г., проанализирована установка внешней политики СССР на достижение нового качества международных отношений, включая категорию доверия. В рамках этой установки разрядка, не предполагая снятия мировоззренческих противоречий между двумя системами, вела к развитию их тесного сотрудничества в рамках нового модус вивенди, нового устойчивого равновесия сил. Категория мирного сосуществования не рассматривалась Москвой как препятствие для перехода международных отношений к новому качеству. Сделан вывод о том, что советское руководство воспринимало разрядку и хельсинкский процесс как преодоление «холодной войны», начало нового этапа в отношениях СССР и Запада на основе компромиссов и учета интересов друг друга.

Ключевые слова: «холодная война», Андрей Громько, СССР, США, безопасность, ДРСМД, СНВ-3, внешняя политика, контроль над вооружениями, разоружение, дипломатия, СБСЕ, стратегическая стабильность, баланс интересов, ООН.

Al. A. Gromyko

Overcoming the Cold War (to the 110 anniversary of Andrei Gromyko)

Alexey Gromyko, Institute of Europe of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the 110th anniversary of the birth of Andrei Andreevich Gromyko, the Soviet foreign minister in 1957–1985, who started his diplomatic career in 1939. In the focus of the study is the ongoing deterioration in the sphere of strategic stability and arms control, escalation of tensions in the current international relations. The author explores the experience of the détente period in the 1970s de facto leading to the temporary end of the Cold War and reasons for its resumption. Principles and methods of the Soviet diplomacy are analyzed; its key features are defined: balance of interests, principles and pragmatism; equal levels of security; strategic parity, reciprocity, realism,

the view of diplomacy as science and art. The article provides the historical context of the Helsinki Process and shows that the USSR's foreign policy pursued the idea of a new quality of international relations, including the category of trust. This approach envisaged that the détente was leading to close cooperation with the West within a new *modus vivendi*, a new system of checks and balances while not eliminating antagonism between two different political and socioeconomic philosophies of the world development. On this basis the notion of peaceful coexistence between socialism and capitalism was not considered to be an obstacle for international relations to acquire new quality, which was to consign the Cold War to the past. The conclusion is drawn that the Soviet leadership treated the détente as an end of the Cold War and as a new period of relations between the USSR and the West, based on mutual compromises and understanding.

Keywords: Cold War, Gromyko, USSR, USA, security, INF Treaty, START-3, foreign policy, arms control, disarmament, diplomacy, CSCE, strategic stability, balance of interests, United Nations.

Будущее мировой архитектуры безопасности и системы контроля над вооружениями находится в самом неопределенном положении за последние 30 лет, со времени окончания «холодной войны»¹. Эпоха «холодной войны» относится к той категории проблем, которые считаются хорошо изученными и представляются для многих исчерпанными с позиций научного интереса. На деле же ее история полна белых пятен, не хватает ей и должного концептуального осмысления. Объяснить это можно и тем, что многие документы того времени еще недоступны. К тому же в 1990-х годах, когда казалось, что «холодная война» окончательно ушла в прошлое, интерес к ней резко снизился. Более того, в общественном мнении постперестроечной России, охваченной ожиданиями «светлого будущего», «холодная война» вместе со всем советским периодом зачастую воспринималась как некая историческая аномалия, а следовательно, с точки зрения исторических закономерностей не представляла большого интереса. Многие крупные работы, основанные на новых архивных документах, появились значительно позже².

В последние годы, напротив, интерес к истории противостояния СССР и США резко вырос, что сопровождается весьма вольным использованием исторических аналогий и термина «новая «холодная война»». С позиций историзма последний оказался вреден, потому что выхолащивает природу классической «холодной войны», превращает объясняет современные процессы в международных отношениях. Это несколько не умаляет значения изучения эпохи «холодной войны» и для чисто исторической науки, и для учета опыта прошлого при решении текущих мировых проблем.

Сегодня приходится констатировать, что наследие опыта взаимодействия двух сверхдержав и достижения стратегической стабильности в 1960–1980-е годы почти полностью исчерпано. Ушли в прошлое Договор о противоракетной обороне 1972 г. и Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г.,³ свои последние недели доживает Договор о ликвидации ракет малой и средней дальности 1987 г. Под угрозой находится Договор о стратегических наступательных вооружениях 2010 г. (СНВ-3), действие которого истекает в 2021 г. Очередной жертвой глубокого кризиса культуры

¹ Термин «холодная война» впервые употребил Джордж Оруэлл в октябре 1945 г. в статье «Ты и атомная бомба» (*Orwell G. You and the Atomic Bomb. – The Tribune, 19.IX.1945*). Затем его стали использовать Б. Барух, У. Липпман, Дж. Ф. Даллес и др.

² *Рукавишников В. О. Холодная война. Холодный мир. М., 2005; Сергеев Р. А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. М., 2007; Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018.*

³ Переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе начались в октябре 1973 г.

и практики стратегической стабильности и учета ведущими государствами интересов друг друга может стать еще одна гарантия против ничем не ограниченной гонки вооружений в области оружия массового уничтожения – Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

Факторов, объясняющих такое плачевное состояние дел, много. Большое значение имеет состояние умов в администрации Д. Трампа, как и мышление самого американского президента, для которых выход или угроза выхода из двусторонних и международных соглашений по контролю над вооружениями и не только – не переговорная позиция, а стратегическая и давняя цель, уходящая корнями в идеологию американского неоконсерватизма. В свете этого ссылки, например, на нарушения Россией ДРСМД предстают очевидным предлогом для выхода из этого соглашения, а не его причиной.

Огромную роль играют масштабные и объективные процессы, в первую очередь становление полицентризма и новое перераспределение сил в мире. В нем нарастают конкуренция и противостояние, что требует, с точки зрения сторонников ставки на жесткую силу, полной свободы рук в военной области. В эпоху «холодной войны» вся архитектура стратегической стабильности основывалась прежде всего на учете интересов двух сверхдержав. Теперь же число игроков в этом вопросе значительно увеличилось; в первую очередь речь идет о Китае. Важный фактор – появление и внедрение новых систем и видов вооружений, как ядерных, так и обычных, а также кибертехнологий, которые стали «новыми вводными» для традиционной системы контроля над вооружениями, требующими ее адаптации. На прогрессирующий развал архитектуры мировой стабильности влияет и внутривнутриполитическая ситуация в ряде стран, в первую очередь в США, где международные вопросы во многом оказались в зависимости от фронтального противостояния части американского политического истеблишмента с президентом Трампом.

Важным фактором в условиях углубляющегося полицентризма является рост числа трансрегиональных игроков, претендующих на часть ответственности за состояние дел в мире, хотя это пока и не ведет к стабилизации системы глобального управления. Китай в сфере вооружений идет по пути превращения в третью сверхдержаву. По понятным историческим причинам он не имеет отношения к договоренностям об ограничении противоракетных систем, стратегических наступательных вооружений, ракет малой и средней дальности. Политика Европейского союза при всей его экономической мощи в вопросах деградации системы стратегической стабильности пассивна и невнятна. ЕС, заявляя о курсе на «стратегическую автономию», не занял вразумительной позиции в ответ на решение США выйти из договора по ПРО, а теперь и из ДРСМД. Более того, он предпочел в целом повторять американские доводы, оправдывающие решения Вашингтона. В целом Брюссель находится под влиянием антироссийских и антикитайских настроений, охвативших Америку. На фоне этого возникла опасность повторения в том или ином виде событий первой половины 1980-х годов, связанных с размещением в Европе ракет малой и средней дальности в ядерном оснащении. При этом ничего напоминающего антивоенное движение того времени теперь не наблюдается.

В этой связи все чаще в средствах массовой информации и дискуссиях экспертов вспоминают о Карибском кризисе 1962 г., об опасности третьей мировой войны, о возрастании вероятности обмена ядерными ударами, причем не обязательно между Россией и США. Усиливается интерес к событиям периода «холодной войны», когда схожие опасные процессы в области безопасности удалось не только остановить, но во многом повернуть вспять. Более того, в 1970-е годы существовала возможность не просто закрепить достижения разрядки, но вовсе избавиться от догматических подходов «холодной войны» и обеспечить новое качество международных отношений

в условиях биполярного мира. Ключевую инструментальную роль в достижении этой цели играла рамочная идея общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству и обеспечивавшее ее постепенное урегулирование большого количества локальных и региональных проблем и конфликтов. Обращение к опыту политики, направленной на прекращение «холодной войны» в 1970-х годах, политики во многом успешной, чрезвычайно актуально в наше время, когда нарратив «новой “холодной войны”» становится все более популярным, несмотря на уход в прошлое биполярного мира с его глобальным идеологическим противостоянием⁴.

ДИПЛОМАТИЯ ПОЗИТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Советский внешнеполитический курс во многом разрабатывался и определялся в министерстве иностранных дел, особенно с 1964 г., когда началась эпоха Л. И. Брежнева, которому были не свойственны импульсивность и волюнтаризм Н. С. Хрущёва. Автономия МИД как игрока на поле советской внешней политики еще больше укрепилась после вхождения А. А. Громыко в состав Политбюро ЦК КПСС в 1973 г. Если бы в те времена использовали термины «ближнее» и «дальнее зарубежье», то первый применяли бы к странам социалистического содружества (членам Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора) и социалистической ориентации, а второй — к буржуазным и тяготевшим к ним государствам. Наибольшую идеологическую окраску взаимодействие с зарубежными странами имело в советском «ближнем зарубежье», которое, помимо МИД, было «подопечной» территорией Международного отдела ЦК. Не раз именно идеология диктовала те или иные действия Москвы в этой сфере влияния, что нередко ставило Смоленскую площадь в сложное положение, придавало ей компенсаторную функцию, вменяло роль механизма минимизации репутационных и иных рисков для страны.

Однако отношения с тогдашним «дальним зарубежьем» при А. А. Громыко стали в основном прерогативой МИД. Это находило отражение и в том, что послами в эти страны министр стремился проводить только кадровых дипломатов, на чьи профессионализм и служебную дисциплину он мог положиться. Что касается выдвиженцев из среды крупных партийных работников, например, первых секретарей обкомов КПСС, Громыко особо ценил, когда такие деятели отклоняли лестные предложения руководства государства, что значительно облегчало ему задачу по назначению в ключевые столицы мира мидовцев. Так, именно этим Е. К. Лигачёв объяснял хорошее отношение к себе министра, который оценил его отказ в «самом начале» 1980-х годов от предложения поехать в качестве посла в одну из «престижных европейских стран» с поста первого секретаря Томского обкома. Соответствующее предложение на Политбюро внесли М. А. Сулов и К. В. Русаков, и оно было утверждено. Е. К. Лигачёв пишет по поводу того эпизода в своей жизни: «В МИДе я ни у кого побывать не успел... Но Громыко, видимо, хорошо помнил всю историю и мой отказ воспринял по-своему. Андрей Андреевич предпочитал направлять послами профессиональных дипломатов... Но аппарат ЦК порой навязывал ему иные кандидатуры. Мой категорический отказ работать за границей... был, видимо, единственным в своем роде. И он крепко запал в память Громыко»⁵. Законодательно ведущая роль МИД во внешней политике государства была закреплена, например, в законе о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР от 6 июля 1978 г. Громыко так разъяснял

⁴ О позиции автора о несостоятельности концепции «новой “холодной войны”» и о современной историографии этого вопроса см. *Громыко Ал. А. Структуры соперничества и опыт истории. — Современная Европа, 2016, № 4, с. 6–20.*

⁵ *Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. М., 1992, с. 18–19.*

его суть: «Предложения о заключении международных договоров Союза представляются как Министерством иностранных дел СССР, так и другими министерствами, государственными комитетами и ведомствами, но совместно с МИД СССР или по согласованию с ним, а исключение сделано лишь для министерства внешней торговли и двух государственных комитетов Совета Министров СССР – по внешним экономическим связям и по науке и технике»⁶.

Несколько десятилетий одним из важнейших источников, разъяснявших стратегические подходы советской внешней политики, были выступления министра иностранных дел на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. За редким исключением в период 1957–1985 гг. именно он на открытиях Генеральной Ассамблеи ООН выступал от имени Москвы, что подчеркивало роль МИД в проведении внешней политики государства. За пределами Советского Союза эта трибуна была самой важной для Смоленской площади. После своего создания в 1945 г. ООН стала для СССР важнейшим институтом мировой политики, местом решения центральных вопросов международной безопасности.

Конечно, такие выступления всегда готовились с оглядкой на партийное руководство, на решения и постановления съездов и пленумов КПСС. Но по существу в значительно большей степени они были ориентированы на иностранную аудиторию, решали как прикладные, так и концептуальные задачи внешней политики страны, позволяли доводить до сведения заинтересованной публики ее фундаментальные положения и одновременно были инструментом внешнеполитических новаций и лоббирования новых инициатив. Практически в каждом выступлении содержалась изрядная аналитическая составляющая, своего рода ревизия расстановки сил на мировой арене. К написанию текстов под руководством министра привлекались многочисленные специалисты, каждый раз велась скрупулезная и тщательная работа, длившаяся многие недели, причем непременно сохранялся хорошо выраженный авторский стиль А. А. Громыко.

Анализ его выступлений на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН позволяет составить ясную картину того, каких методов в проведении внешней политики он придерживался и какие принципы продвигал. Неизменной была установка на сдержанность в ведении мировых дел, на хладнокровие и прагматизм, на поиск развязок и компромиссов. А. А. Громыко был таким же человеком принципа, как и прагматизма. Кстати, установка на «принципиальный прагматизм» намного позже в истории станет одной из основ деятельности такой организации, как Европейский союз⁷. Такое сочетание подходов, во многом сформировавших «фирменный» стиль дипломатии Громыко, можно объяснить не только чертами характера и профессиональными навыками, приобретенными им уже во взрослый период жизни, но и обстоятельствами детства, которое он провел в среде ветковских староверов⁸.

Одной из составляющих основ успеха в дипломатии А. А. Громыко считал взаимность. Известный метод советского министра так и назывался – «политика взаимного примера», когда «государства не заключают формальных соглашений, а принимают соответствующие меры параллельно, на основе взаимопонимания, как бы глядя друг на друга»⁹. Большим подспорьем для достижения целей советской внешней политики стало положение, закрепленное с 1956 г. в партийных документах, об

⁶ Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 557.

⁷ «Принципиальный прагматизм» стал одной из доктринальных основ Глобальной стратегии ЕС, опубликованной в июне 2016 г.

⁸ Громыко А. А. Памятное, кн. 1. М., 1988, с. 12–13.

⁹ Громыко А. А. Во имя торжества..., с. 19.

отсутствии фатальной неизбежности мировой войны¹⁰, что соответствовало мировоззрению исторического оптимизма самого Громыко, его нацеленности на дипломатию позитивного действия. Он считал, что неразрешимых международных проблем не существует, но их решение должно выстраиваться исключительно на основе все той же взаимности.

Другим мотивом его выступлений являлся тезис о том, что идеологические расхождения между государствами не должны служить источником войн и конфликтов. Именно этот тезис красной нитью проходил через все дипломатическое творчество А. А. Громыко. Вообще идеологическая составляющая в отношениях между странами, даже социалистическими, понималась им достаточно прагматично. Так, под «дружбой братских народов» он подразумевал не только «социалистический патриотизм» и «пролетарский интернационализм», но и более «осязаемые» вещи — наличие у стран СЭВ высокоразвитой индустрии, мощного промышленного и научно-технического потенциала, комплексной программы экономической интеграции¹¹. Речь, по сути, шла о такой идеологии, которая являлась не самоцелью, а идеологическим атрибутом передовой модели политического и социально-экономического развития.

В дипломатической работе, особенно когда речь шла о крупных вопросах, отвергались методы наскока, «кавалерийской атаки», импровизации, решения проблем одним махом. А. А. Громыко призывал «не провозглашать тезис “все или ничего”, а отбирать одну за другой те проблемы, по которым согласие достижимо уже на данном этапе, и решать их»¹². Одним из немногих догматов, которыми он руководствовался на этом пути, был непрменный принцип равной безопасности.

А. А. Громыко отличал аналитический склад ума, он считал чрезвычайно важным выстраивать внешнюю политику на научной основе в самом широком смысле этого слова. До того как в 1939 г. Андрей Андреевич неожиданно для себя оказался на дипломатической работе, он прошел достаточно большой путь в науке: с 1934 г., после переезда из Минска в Москву, работал в Институте экономики АН СССР, в 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Впоследствии, незадолго до назначения министром иностранных дел в феврале 1957 г., ему присвоили степень доктора экономических наук. Многолетние занятия наукой, бесспорно, наложили свой отпечаток на всю последующую деятельность министра. Судя по всему, именно эта сторона его наклонностей и образования определили неприятие торопливости и прямолинейности в решении тех или иных внешнеполитических задач. Он был глубоко убежден, что дипломатия — это наука и искусство, что международные отношения — сложная материя, не терпящая поверхностного отношения, что они непрерывно усложняются. «Общее состояние дел в мире, — говорил Громыко в ООН в сентябре 1974 г., — складывается под воздействием огромного числа факторов — от политических и военных до национальных и даже психологических. Они с трудом поддаются однозначной оценке... В определенном смысле проблемы, с которыми приходится сталкиваться сегодня, не проще а... сложнее, чем вчера»¹³.

В выступлениях А. А. Громыко постоянно звучал тезис о разумном балансе интересов сторон. Андрей Андреевич был привержен политике здравого смысла, дипломатии как искусству возможного, инструменту достижения равновесного состояния международных отношений. Да, в исторической перспективе, как считал он, социализм должен был победить, но не силой или угрозой силы, а своим примером

¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. М., 1986, с. 7, 10–13, 15 и др.

¹¹ Громыко А. А. Во имя торжества..., с. 400.

¹² Там же, с. 288.

¹³ Там же, с. 356–357.

и большей привлекательностью модели развития. Итоги хельсинкского совещания в 1975 г. он характеризовал на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН как результат баланса, тщательно продуманного компромисса. В области разоружения Громыко отмечал необходимость «реалистического подхода», призывал к поиску таких решений, которые становятся «практически достижимой задачей»¹⁴. Такие формулировки близки категории *Realpolitik*, но не совпадают с ней. Она, как правило, ассоциируется с циничным прагматизмом, свободным от идеалов, тяготением к установке «цель оправдывает средства». Для Громыко идеалы в жизни играли огромную роль, но при проведении внешней политики они не превращались в догмы, а находились в рамках здравого смысла.

Он прекрасно понимал, что достижимость целей дипломатии во многом определяется внутренними ресурсами государства, «трудом всех наших людей, всем могуществом нашего социалистического народного хозяйства», что министр не раз подчеркивал, выступая как в СССР, так и за рубежом. Реализм Громыко в соотношении внешнеполитических возможностей страны и подкрепляющих их ресурсов проявлялся и применительно к развивающимся странам; он хорошо понимал пределы возможностей страны в деле поддержки союзников и государств социалистической ориентации. «Оказывая им значительную и эффективную материальную помощь, — писал он о развивающихся странах в 1976 г., — Советский Союз, социалистическое содружество в целом не могут, естественно, нести ответственность за продолжающееся и поныне оставаться чрезвычайно трудным экономическое положение, в котором молодые государства оказались»¹⁵.

Нацеленность на практический результат, на прагматизм в международных отношениях соседствовали в советской внешней политике эпохи А. А. Громыко с постановкой масштабных задач, во многом опережающих свое время. Но делалось это опять же исходя из вполне конкретных соображений — большие цели достигаются в ходе длительной и тщательно выстроенной работы, на которую может уйти не один год, а может быть, и не одно десятилетие. Такими были идеи общеевропейского совещания по безопасности, крупные соглашения по контролю над вооружениями, налаживание отношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом.

Соглашение между СССР и ЕЭС «О торговле и экономическом и коммерческом сотрудничестве» было заключено в декабре 1989 г., а саму идею советское руководство с подачи МИД выдвинуло в середине 1970-х годов. В 1976 г. Громыко писал: «В целях дальнейшего развертывания плодотворного международного экономического сотрудничества... СССР вместе с другими странами — членами СЭВ предложили заключить соглашение об основах взаимоотношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом»¹⁶. Более того, в той же статье советский министр перечислил и такие общеевропейские инициативы, как сотрудничество в вопросах охраны окружающей среды, создание трансевропейских водных и сухопутных магистралей, создание общеевропейских энергетических систем и многое другое. Тогда соглашения между двумя группировками достигнуто не было; в новой форме аналогичный вопрос ставится уже в наши дни, имея в виду сотрудничество между ЕС и Евразийским экономическим союзом. Другие советские внешнеполитические инициативы середины 1970-х годов во многом предвосхищали современную концепции Европы от Лиссабона до Владивостока.

Основополагающим принципом советской дипломатии тех времен был отказ от применения силы или угрозы таковой, решение проблем за столом переговоров,

¹⁴ Там же, с. 360, 440, 448.

¹⁵ Там же, с. 436, 476–477.

¹⁶ Там же, с. 476.

мирными средствами. А. А. Громыко многократно призывал возвести этот принцип в закон международной жизни. На это была направлена инициатива по заключению Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Конечно, речь шла не о пацифизме, не о запрете на использование силы для отражения агрессии или ее последствий. Так, легитимным в глазах Советского Союза было право на борьбу колониальных народов¹⁷.

КУРС НА НОВОЕ КАЧЕСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В первой половине 1970-х годов сам контекст международных отношений способствовал выходу на «большое соглашение». Эта стратегическая идея советской дипломатии родилась еще во второй половине 1950-х годов, но ее реализация потребовала многих лет работы и накопления всей суммы необходимых для этого обстоятельств. Большая дестабилизация, выражаясь современным языком, — война во Вьетнаме, новое столкновение между Израилем и арабскими государствами («война Судного дня»), первый мировой энергетический кризис — потребовали новых подходов в мировой политике. Не менее важно, что западноевропейские государства стремились обеспечить благоприятные внешние условия для своей внутренней модернизации. Ведущие державы пришли к пониманию того, что в интересах всех в рамках послевоенного международного права договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

Одной из ключевых предпосылок для успеха хельсинкского проекта было решение германского вопроса. Московский договор 1970 г. между СССР и ФРГ открыл этому путь. Сутью замысла советской стороны стало закрепление послевоенных границ в Европе; это была программа минимум с точки зрения стратегических интересов Советского Союза. Она была успешно реализована. Не удалось претворить в жизнь, точнее предотвратить быстрое свертывание нового уровня взаимодействия, программу максимум — переход к новому качеству отношений с капиталистическими странами. Но и успех в главном пункте, интересовавшем советскую сторону, — закреплении послевоенных границ в Европе — А. А. Громыко считал одним из наиважнейших достижений советской дипломатии. Не случайно он называл этот вопрос «душой» Московского договора¹⁸.

Немногие из специалистов знают, когда началось практическое осуществление инициативы СССР по созыву общеевропейского совещания, первый этап которого открылся в 1973 г. Произошло это задолго до триумфа коллективного разума в Хельсинки. В апреле 1966 г. советский министр совершил визит в Рим, в ходе которого состоялись переговоры с премьер-министром Италии А. Моро и министром иностранных дел А. Фанфани. Именно тогда А. А. Громыко впервые осуществил зондаж идеи СБСЕ, получив предварительную поддержку. Правильность его расчета подтвердилась — Италия неизменно играла конструктивную роль во всем последующем процессе¹⁹. Верно были оценены в целом подходы Италии к развитию отношений с Советским Союзом и персональные качества такой незаурядной фигуры, как Альдо Моро, к которому Громыко питал большое уважение.

Еще раньше, в сентябре 1965 г., на XX сессии Генеральной ассамблеи ООН, А. А. Громыко, поднимая вопрос о послевоенных границах в Европе, впервые озвучил следующий тезис: «Советский Союз последовательно выступает за согласование и объединение

¹⁷ Громыко А. А. Во имя торжества..., с. 487.

¹⁸ Громыко А. А. Памятное, кн. 1, с. 468.

¹⁹ Там же, кн. 2, с. 13–14.

усилий европейских государств в интересах их безопасности, за развитие сотрудничества между ними на общеевропейской основе»²⁰. Именно в тот период советская дипломатия приступала к закрытым консультациям о проведении общеевропейского совещания.

О всестороннем отношении СССР к СБСЕ говорил А. А. Громыко 3 июля 1973 г. на открытии совещания в Хельсинки. Он отметил, что впервые в послевоенной истории континента за одним столом собрались европейские государства, США и Канада. Как известно, совещание проходило в три стадии. Советский министр заранее называл третий этап, на котором руководители государств должны были подписать итоговое соглашение, не иначе как «кульминационным»²¹.

Необходимо отметить целый ряд моментов в международных отношениях, благоприятных для запуска хельсинкского процесса. Это были и прекращение войны во Вьетнаме, и достижения на пути сдерживания гонки вооружений: Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., конвенция о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического и токсинного оружия и его уничтожении 1971 г., подписание ОСВ-1 в 1972 г. и тогда же начало консультаций по ОСВ-2. Советский Союз считал, что все эти и ряд других достижений могут привести к кумулятивному эффекту и позволить развить успех в деле нормализации международных отношений. 30 октября 1973 г. начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. СССР активно призывал выполнить решение ООН, которое в свое время он же с успехом и продвигал, о созыве Всемирной конференции по разоружению. Как никогда были благополучны отношения Москвы с Вашингтоном, Парижем, Бонном, Римом. В октябре 1971 г. Л. И. Брежнев и президент Франции Жорж Помпиду заключили соглашение о принципах сотрудничества между СССР и Францией, а в мае 1972 г. советский руководитель и президент США Ричард Никсон подписали соглашение об основах взаимоотношений между СССР и США.

Хотелось бы заострить внимание на следующем моменте. Принципиально важно, что Москва рассматривала всю сумму тогдашних обстоятельств в мировых делах как возможность не только сделать «холодную войну» менее опасной, но закончить ее, достичь нового качества международных отношений. Приведем следующий тезис из выступления А. А. Громыко 3 июля 1973 г.: «Если вдуматься в значение перемен, происходящих в международных делах, осмыслить их направленность, то нельзя не прийти к выводу, что в настоящее время закладываются основы для новых мирных отношений между государствами на исторически обозримый период»²².

В этой же речи была использована редкая для тех времен категория (как, впрочем, и для нынешних) — «доверие». На им самим поставленный вопрос: «Какой мы хотим видеть Европу в будущем?», советский министр ответил: «Прежде всего Европой мира, континентом, из жизни народов которого агрессия была бы исключена навсегда. Мы стремимся к тому, чтобы доверие и взаимопонимание позволили постепенно преодолеть разделение континента на военно-политические группировки. Отношения между всеми европейскими государствами должны стать отношениями мирного и взаимовыгодного сотрудничества». Причем А. А. Громыко считал, что не договоренности следуют за доверием, а доверие возникает и крепнет в процессе переговоров и достижения соглашений. В 1975 г. он пишет о значении хельсинкского Заключительного акта: «В результате совещания была достигнута новая степень доверия между государствами вследствие некоторых договоренностей, дополняющих разрядку политическую разрядкой военной»²³.

²⁰ Громыко А. А. Во имя торжества..., с. 26.

²¹ Там же, с. 269–270.

²² Там же, с. 272.

²³ Там же, с. 273, 418.

В течение нескольких лет руководство СССР было уверено в высоких шансах достижения нового качества международных отношений, вплоть до того, чтобы покончить с «холодной войной». В выступлениях Громыко эта идея в том или ином контексте звучала тогда многократно. Так, в его докладе в ноябре 1974 г. на торжественном заседании, посвященном 57-й годовщине Октябрьской революции, говорится: «Есть все основания сказать, что в наши дни выходит на более широкий простор процесс перестройки межгосударственных отношений». И далее: «По понятным причинам особое значение имеет улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки»²⁴.

Последняя фраза для того времени имела принципиальное значение. Принято считать, что во внешней политике СССР весь послевоенный период делал упор на отношения с США. Такое впечатление проистекало из того, что мир после 1945 г. стал биполярным, да и сам А. А. Громыко восемь лет провел в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке — с 1939 по 1948 г., и в первую очередь был знатоком именно этой страны. На деле приоритет американского направления в советской внешней политике формировался длительное время, особенно после Карибского кризиса. Как инструмент урегулирования и закрепления международных отношений нового типа такой подход стал проявляться только в начале 1970-х годов. До тех пор советская внешняя политика в центре своего внимания держала Европейский континент.

После 1973 г. А. А. Громыко не раз высказывался о «холодной войне» как о странице прошлого. В упомянутом выступлении в ноябре 1974 г. он говорил: «Мы не должны закрывать глаза на то, что имеются еще влиятельные силы, которым хотелось бы вернуть мир к временам “холодной войны”». Очевидно, министр считал «холодную войну» пройденным этапом или, по крайней мере, полагал необходимым постоянно озвучивать этот тезис. О том же он говорил в докладе в мае 1975 г. на торжественном собрании по случаю 20-летия Варшавского Договора: «Вспомним, как складывалось положение в Европе и за ее пределами, когда заключался Варшавский Договор. То был период “холодной войны”, навязанный наиболее агрессивными силами империализма»²⁵.

Из выступления А. А. Громыко на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1975 г.: «Заключительный акт совещания... — один из самых выдающихся документов нашего времени. Народы Европы связывали в большей мере с совещанием надежду на то, что Европейский континент сможет наконец вырваться из порочного круга своей истории... Итоги совещания являются тщательно взвешенным балансом интересов всех участников и выражают общеприемлемые договоренности и обоснованные компромиссы. Есть все основания заявить, что опыт совещания должен найти самое широкое применение для урегулирования вообще назревших проблем современности». И далее: «Шаг за шагом избавляются страны Азии, Африки и Латинской Америки от последствий “холодной войны” с ее уродствами в политике». Для советского руководства весь хельсинкский процесс был как бы переутверждением на новом историческом этапе вестфальских принципов. В подтверждение этого приведем следующие слова А. А. Громыко: «Договоренности, достигнутые в итоге совещания, основаны на признании всеми его участниками той непреложной истины, что уважение суверенного равенства государств, неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, невмешательство извне во внутренние дела... — закон, который не дано преступить никому»²⁶.

Эти настроения и ожидания Москвы, основанные на уверенности в том, что принципиальное изменение международных отношений возможно в условиях мирного

²⁴ Там же, с. 381.

²⁵ Там же, с. 385, 389.

²⁶ Там же, с. 439–440, 442.

сосуществования, продержались достаточно долго. Через два года после подписания Заключительного акта А. А. Громыко, выступая в сентябре 1977 г. на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, привел слова из речи Брежнева в Туле, внешнеполитическая часть которой была подготовлена МИД: «Разрядка – это прежде всего преодоление “холодной войны”, переход к нормальным, ровным отношениям между государствами... Разрядка – это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга». Более того, в ситуации нового качества международных отношений в Москве готовы были идти дальше непрерываемого до тех пор принципа мирного сосуществования. На пресс-конференции в Москве в марте 1977 г. А. А. Громыко так рассуждал о желательном характере отношений СССР и США: «Мы... хотели бы видеть стабильность в наших отношениях... основанных на принципах мирного сосуществования. А еще лучше – дружественными»²⁷. Взаимное признание характера советско-американских отношений как дружественных подтолкнуло бы обе стороны к пересмотру и соответствующим идеологическим установкам, в СССР – принципа мирного сосуществования, в США – взгляда на сотрудничество с Советами как неизбежное зло. Позже, в 1990-е годы и в самом начале XXI в. ситуация тех лет по-своему повторится; вновь появится возможность перейти к новому качеству отношений между Россией, США и Западом в целом в условиях отказа от устаревших идеологических постулатов и снятия кардинальных различий общественно-политических систем. Она вновь не будет использована.

Возможности и практика преодоления «холодной войны» имели место, по крайней мере, до 1978–1979 г. Важным шагом в закреплении накопленного позитива было подписание Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Однако он не был ратифицирован Соединенными Штатами. Почему этот процесс оказался сорван? К тому времени разногласия по размещению в Европе новых ракет меньшей и средней дальности еще окончательно не обрели той остроты, которая стала присуща им позже; ввод советских войск в Афганистан произошел в самом конце 1979 г., и его последствия требуют отдельного анализа. Но бесспорно то, что американцы с весны 1978 г., после Апрельской революции в Афганистане, вели активную работу с афганской оппозицией на территории Пакистана. В мае 1978 г. НАТО приняла решение об увеличении военных бюджетов стран-членов в течение 15 лет. В декабре следующего года, еще до направления советских войск, Дж. Картер одобрил «пятилетку» наращивания военного потенциала США до беспрецедентного уровня²⁸. Эти шаги в военной области воспринимались в Москве крайне болезненно. Что касается семейства ракетного комплекса «Пионер», то достоверно известно, что решения о размещении ракет РСД-10 и их последующих модификаций принималось без согласования с МИД СССР, а дипломаты, которые вели переговоры по разоружению, долго не имели об этом адекватных данных.

Таким образом, достаточно очевидно, что в рассматриваемый период советское руководство, во-первых, воспринимало разрядку не как более благополучный этап «холодной войны», а как ее преодоление. Во-вторых, разрядка, не предполагая снятия мировоззренческих противоречий между системами, вела, по мнению Кремля, к установлению тесного сотрудничества в рамках нового модус вивенди, нового равновесия сил, основанного на компромиссах и учете интересов друг друга и даже на доверии. Категория мирного сосуществования не рассматривалась Москвой как препятствие для перехода международных отношений к новому качеству. Решить вопрос о первенстве в конкуренции между двумя социальными системами должны были не сила и принуждение, а большая эффективность и привлекательность той или иной политической и социально-экономической модели развития – тема вполне актуальная и для первой трети XXI в.

²⁷ Там же, с. 501, 498.

²⁸ Громыко А. А. Памятное, кн. 1, с. 310.

Конечно, рассуждения о том, как те или иные возможности были упущены в разные исторические периоды, традиционно уязвимы для критики, если исходить из принципа «у истории нет сослагательного наклонения». Однако представляется, что в 1970-е годы страны социалистического содружества и Запад во главе с США на деле приступили, пусть и на короткое время, к преодолению «холодной войны». В дипломатической, политической, экономической практике такое преодоление обрело реальные черты. Поэтому сослагательность относится не столько к тезису о том, что «холодная война» прекратилась (временно, как оказалось позже, т.е. по факту она приостановилась), а к тому, как развивались бы события, не случись ее рецидив. Этот термин, заимствованный из медицины, наталкивает и на другой — патоген, т.е. фактор, вызывающий заболевание или его возобновление.

Возобновление «холодной войны» в начале 1980-х годов, конечно, было вызвано множеством причин. Но главный патоген, от которого не удалось до конца избавиться отношения между соперниками по «холодной войне», крылся не в дипломатической, экономической и даже не в политической сферах. Он паразитировал на идеологической инерции, на медленности психологической перестройки лидеров биполярного мира и не в последнюю очередь на интересах военно-промышленных комплексов. Не менее важным и пагубным оказалось то, что на «излечение» просто не хватило времени; обе стороны совершили ошибки, перечеркнувшие завоевания разрядки.

Библиография

Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978.

Громыко А. А. Памятное, кн. 1–2. М., 1988.

Громыко Ал. А. Структуры соперничества и опыт истории. — Современная Европа, 2016, № 4, с. 6–20.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. М., 1986.

Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. М., 1992.

Рукавишников В. О. Холодная война. Холодный мир. М., 2005.

Сергеев Р. А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. М., 2007.

Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018.

References

Gromyko A. A. In the name of the triumph of Lenin's foreign policy. Selected speeches and articles. Moscow, 1978. (In Russ.)

Gromyko A. A. Memorable, vol. 1–2. Moscow, 1988. (In Russ.)

Gromyko Al. A. Structures of rivalry and experience of history. — Co-European Europe, 2016, № 4, p. 6–20. (In Russ.)

The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee, vol. 9. Moscow, 1986. (In Russ.)

Ligachev E. K. Gorbachev's riddle. Moscow, 1992. (In Russ.)

Rukavishnikov V. O. Cold war. Cold world. Moscow, 2005. (In Russ.)

Sergeev R. A. In the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. On Kuznetsky Most and Smolenskaya Square. Moscow, 2007. (In Russ.)

Fursenko A., Naphtali T. «Cold War» Khrushchev. The secret history of the enemy of America. Moscow, 2018. (In Russ.)